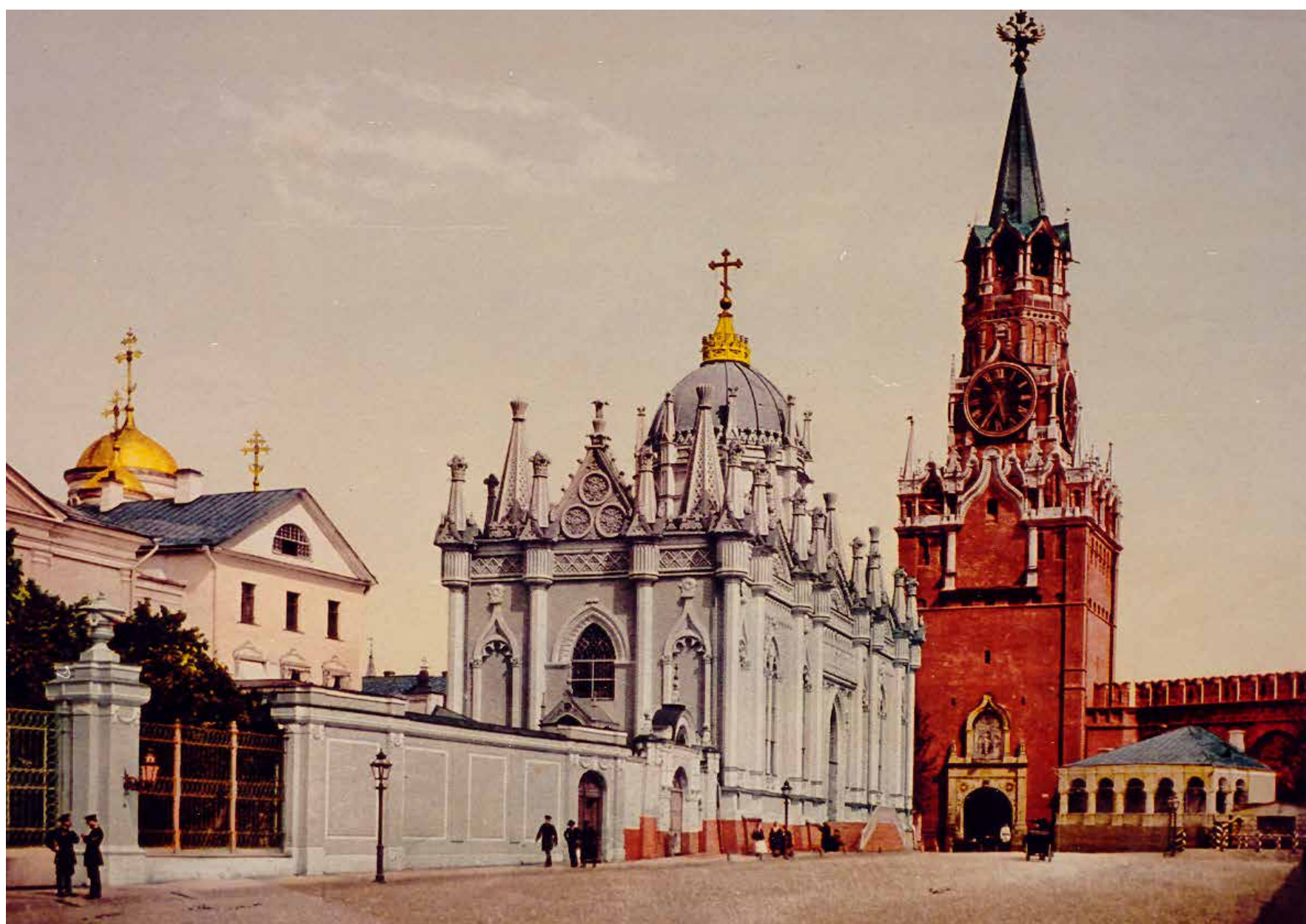

КРЕМЛЬ-9

приложение к федеральному еженедельнику «российские вести» — официальное издание фсо россии

Вознесенский девичий монастырь в Кремле

Церковь Святой Екатерины и Спасская башня

Московский Кремль на протяжении многих и многих веков неразрывно связан в сознании людей с теми священными памятниками, которые были возведены в его стенах в глубокой древности, еще на заре формирования русской государственности. В этом выпуске мы расскажем об одном из древних обителей Москвы – Вознесенском девичьем монастыре.

Вознесенский девичий монастырь располагался у Спасской башни Московского Кремля. Монастырь включал в себя три храма, обширный трехэтажный сестринский корпус и многочисленные хозяйственные постройки. Сверху Спасской башни было хорошо видно, что он имел правильную прямоугольную форму.

Обитель была основана в 1386 или 1387 году вдовой великого князя Дмитрия Иоановича Донского, великой княгиней Евдокией. Она была дочерью великого князя Суздальского Дмитрия Константиновича. В 1367 году она была выдана замуж за юного великого князя Московского Дмитрия Иоановича. Этот брак имел ярко выраженный политический подтекст. Фактически он стал символическим залогом прекращения междоусобной борьбы между двумя сильными русскими княжествами Московским и Суздальско-Нижегородским. Тем не менее великая княгиня прожила с супругом в счастливом браке двадцать два года и пережила его. С 1389 года, после кончины мужа, она фактически возглавила Великое княжество Московское, являясь престолопреемницей великокняжеской власти. В Москве и окрестностях великая княгиня Евдокия учредила и построила большое количество храмов и монастырей, в том числе и наиболее известный

тогда еще деревянный Вознесенский женский монастырь в Московском Кремле.

С высокой степенью вероятности можно говорить о том, что он был заложен, по преданиям, на месте светлицы великой княгини Евдокии Дмитриевны. Именно из своей светлицы, находившейся рядом со Спасскими воротами, великая княгиня провожала князя Дмитрия на Куликово поле в 1380 году и здесь же встретила его по возвращении с победой. Уже после кончины великого князя его вдова закладывает здесь, у Спасских ворот, деревянную церковь, которая получает название «Вознесенского соборного храма». Именно вокруг нее и начинается отстраиваться монастырь. В 1407 году на месте старого деревянного храма вдовствующая княгиня закладывает каменную церковь Вознесения Господня и принимает постриг в Вознесенский монастырь под именем Евфросинии. Ей довелось прожить в монастырской обители лишь несколько недель. 7 июля 1407 года она скончалась. После ее смерти продолжилось возведение нового каменного храма. Этим занималась ее невестка – великая княжна Софья Витовтовна. Однако при ней были возведены только стены собора. А через восемь лет главный храм обители сильно пострадал при очередном московском пожаре. Полвека собор стоял недостроенным и лишь в 1467 году был полностью восстановлен великой княгиней Марией Ярославной, женой великого князя Василия II Тёмного. Однако старые полуразрушенные стены могли не выдержать веса барабана и купола. Именно по этой причине мастер Василий Ермолин получает указание для увеличения их прочности «одеть» старые стены собора в новые каменные, наставив таким образом их толщину.

По преданию, было несколько причин, по которым женская монастырская обитель была поставлена именно у Спасских ворот, у главного парадного въезда в Кремль. Дело в том, что в свое время здесь стоял храм, заложенный великим князем Дмитрием в память об их свадьбе. Рядом с ним располагался деревянный дворец Дмитрия Донского и терема его жены. Именно здесь, в быв-

ших великокняжеских палатах, и разместились первые монахини. Кстати, именно после Дмитрия Донского княжеские покои и другие дворцовые постройки стали располагаться в центре Кремля, в непосредственной близости от Соборной площади.

Вознесенский монастырь был не самой древней обителью в Москве. Чуть раньше, в том же XIV веке, были основаны Зачатьевский и Рождественский монастыри. Однако Вознесенская кремлевская обитель сразу заняла главенствующее положение в неофициальной табели о рангах московских девичьих монастырей. Дело в том, что именно здесь была похоронена в соответствии с ее завещанием великая княгиня Евдокия Дмитриевна, положив этим начало новой традиции. По ней именно в стенах Вознесенского монастыря находили место последнего упокоения жены русских великих князей и царей. Фактически все представительницы царских династий Рюриковичей и Романовых были похоронены в стенах обители. Именно с посещения этого монастыря, с поклона гробницам русских цариц, шли в поминальные дни процессии во главе с русскими самодержцами. Причем было принято сначала посещать Вознесенский монастырь и лишь потом приходить в Архангельский кремлевский собор для поминовения их мужей. Такое особое положение обители давало ей особый статус почитания. В ее стенах веками накапливались уникальные дары русских царей, самая лучшая богослужебная утварь и предметы, древние иконы, строились богатые, уникальные по своим художественным качествам иконостасы, появлялись редчайшие православные книги. Особый статус монастыря подчеркивался и неофициальными отношениями, которые существовали между ним и русскими великими князьями, царицами и царевнами. Так, в летописях упоминается, что именно в монастырской казне женщины из царской семьи при острой необходимости могли получить денежную ссуду под залог своих драгоценностей. Подобные финансовые операции в те древние времена могли

производиться только среди доверенного круга лиц, к которым явно относились сестры из женской монастырской обители.

Вознесенский монастырь неоднократно перестраивался и изменялся. Причиной тому были как обветшание храмов и зданий, так и периодически случавшиеся в Кремле пожары. В очередной раз Вознесенский собор был выстроен на фундаменте старой церкви с таким же названием в 1519 году по указанию великого князя Василия III. Новый собор сохранил многие архитектурные черты своего древнего предшественника. Предполагается, что в этот раз строителем выступил известный итальянский архитектор Алевиз Навио. Последний раз храм принципиально менял свой облик в 1588 году. Тогда, при царе Фёдоре Иоанновиче, старый Вознесенский собор разбирается и на его месте возводится церковь с тем же названием, причем по желанию венценосного заказчика он выглядит как несколько уменьшенная архитектурная копия Архангельского собора Московского Кремля. Пережив несколько пожаров, собор неоднократно восстанавливался и подновлялся в XVIII и XIX веках, дожив в неизменном виде до начала XX столетия.

До первой половины прошлого века в юго-западной части храма находились тридцать пять белокаменных гробниц. Захоронения высшей женской знати государства проходили здесь с 1407 по 1731 год. В храме покоились жена Ивана III – Софья Палеолог, мать Ивана Грозного – Елена Глинская, мать Петра Великого – Наталья Кирилловна, в девичестве Нарышкина, и многие другие.

В главном кафедральном храме обители – в Вознесенском соборе – с древних времен хранилась особо почитаемая икона Божьей Матери Одигитрии (Путеводительницы). Именно она, по преданию, была спасена великой княгиней Евдокией Дмитриевной во время разграбления и сожжения Москвы в 1382 году ханом Тохтамышем. А столетием позже древняя икона сильно пострадала при пожаре. Красочное изображение Богородицы было полностью утрачено. Именно тогда на обгоревшей доске великий русский иконописец Дионисий написал новый образ Богоматери. Веками в большие православные праздники перед этой иконой молились русские государи, посещавшие монастырь. Этот же священный образ монахини раз в году выносили навстречу крестному ходу, возглавляемому царем и патриархом. По сложившейся традиции ход останавливался и высшие светский и духовный иерархи целовали образ у парадных ворот обители. В настоящее время эта уникальная древняя икона хранится в Государственной Третьяковской галерее.

Еще одна старинная церковь кремлевской женской обители – церковь Михаила Малеина. Она была построена в непосредственной близости от Спасских ворот и примыкала к кирпичной кремлевской стене севернее башни. В 1634 году первый царь династии Романовых Михаил Федорович повелел возвести новую каменную церковь на территории Вознесенского монастыря в память дня своего тезоименитства. Она была освящена в честь святого небесного покровителя царя – Михаила Малеина. Она была построена настоятельницей Вознесенского монастыря Марфой Романовой, родной матерью царя Михаила Федоровича. Храм возведен в лучших традициях самобытной русской церковной архитектуры. В его стенах был освящен придел в честь святого Федора Пергийского. Его появление в этом храме вполне логично. Дело в том, что муж Марфы и отец нового русского царя имел светское имя Федор, хотя в историю России он вошел как патриарх Филарет.

Высокая стройная колокольня, примыкающая к этой церкви, была построена в самом конце XVII века. Церковь и колокольня стояли сразу же за Спасскими воротами, справа при входе в Кремль. Они располагались чуть в глубине

Вознесенский девичий монастырь в Кремле

➔ со с. 5

Архитектурная реконструкция фасада Вознесенского монастыря по состоянию на XVIII век. МАРХИ, 2015 год

Спасской улицы, а небольшой палисадник был декорирован невысокой красивой ажурной решёткой. Эта церковь была возведена в кратчайшие сроки – всего за пять месяцев русскими мастерами Баженом Огурцовым и Семейко Белым. Официальное название этого храма – «Церковь преподобного Михаила Малеина с приделом во имя святого священномученика Феодора, иже в Пергии, в Московском Вознесенском девичьем монастыре». Фактически именно этот храм был первой кремлевской постройкой, которая открывалась взору посетителей, проходивших через Спасские ворота. А с Красной площади над кремлевской стеной хорошо были видны купола этой церкви и колокольни, слышен перезвон монастырских колоколов. Лишь после завершения строительства храма Великомученицы Екатерины в 1817 году ее вычурные, но очень гармоничные готические формы затмили собой небольшую церковь Михаила Малеина.

Но наиболее узнаваемой из всего комплекса построек Вознесенского монастыря была церковь Великомученицы Екатерины, открывающая своим парадным фасадом северную часть Спасской улицы Кремля. Ее внешний вид, пожалуй,

был самым необычным из всех построенных на территории Московского Кремля. Впервые храм на этом месте был заложен еще в начале XVI века. С 1527 года именно здесь стояла древняя каменная церковь, освященная в честь святого Георгия. Она была возведена еще при правлении великого князя Василия III. Кстати, именно в ней хранилась белокаменная конная статуя Георгия Победоносца, выполненная Василием Еромолиным для украшения Спасской башни Московского Кремля. После снятия этой скульптуры с башни ее разместили в храме святого Георгия, ставшим к тому времени частью Вознесенского монастыря. В следующих веках его неоднократно чинили, подновляли и перестраивали. Однако в связи с крайней ветхостью стен и сводов в 1806 – 1808 годах древняя церковь была разобрана. Древняя же скульптура Георгия Победоносца переехала еще раз. Теперь ее разместили в качестве киотной иконы в соседнюю монастырскую каменную церковь святого преподобного Михаила Малеина.

Тогда же, в самом начале XIX века, митрополит Платон выступил инициатором строительства на месте упраздненного храма новой церкви. Его

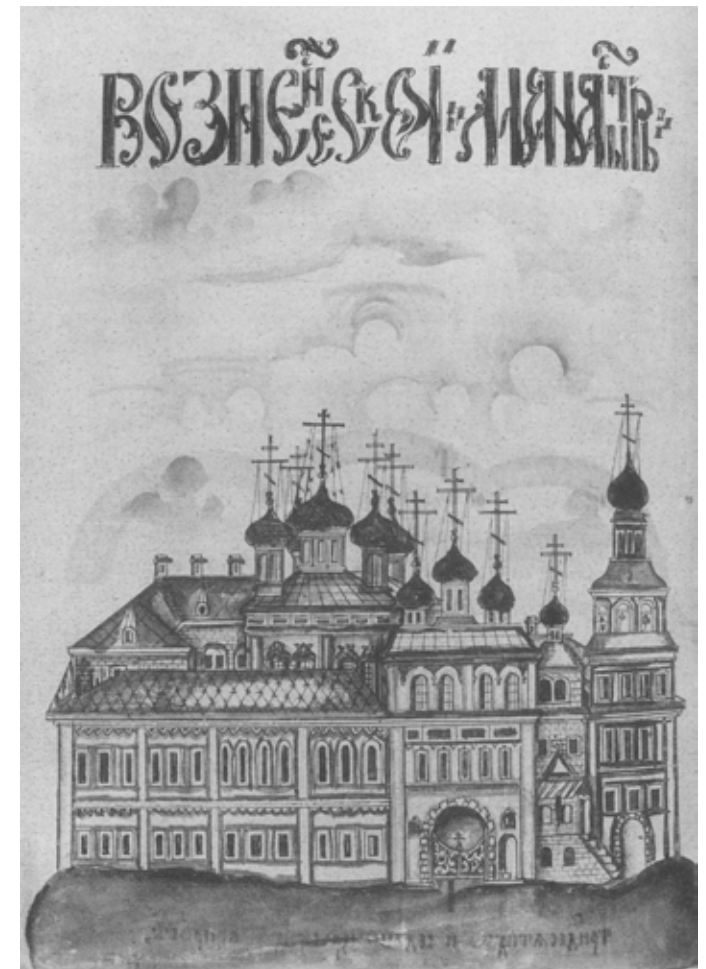
предполагалось разместить с юго-восточной стороны монастырской территории, по северной границе Спасской улицы. Свой привычный для москвичей вид церковь Великомученицы Екатерины обрела в 1806–1817 годах по проекту архитектора Карла Росси. Ее строительство, начавшееся еще в 1808 году, было прервано на период Отечественной войны 1812 года. Лишь в 1817 году завершается ее строительство, а ажурную отделку в неоготическом стиле завершал архитектор А.Н. Бакарев. Символично, что при последнем строительстве и архитектурном декорировании этого храма были использованы «освященные камни» из аккуратно разобранного в то время в Кремле Николо-Гостунского собора, расположенного метрах в ста пятидесяти от Спасской башни на территории современной Ивановской площади.

Церковь Великомученицы Екатерины была построена и оформлена в неоготическом стиле и выглядела очень гармонично на фоне готических же стилизаций в архитектуре верхних ярусов Спасской башни. Таким образом, главный парадный въезд в Московский Кремль встречал гостей пусть и не вполне привычными рус-

скому человеку декоративными образами западноевропейского оформления храма, но величественным и запоминающимся художественным ансамблем.

В конце XIX века эта церковь была полностью отреставрирована и отреставрирована. Специально для нее заказан и смонтирован новый огромный мраморный иконостас с очень тонкой работой. К огромному сожалению, он безвозвратно погиб при разрушении монастыря. Внутренние пространства церкви также имели в своем интерьере готические детали, но по оформлению это был традиционный православный собор с двумя приделами: иконы Казанской Богоматери и Рождества Иоанна Предтечи.

Стоя на верхнем гульбище Спасской башни, декорированном теми же готическими элементами, что и храм, можно было почувствовать художественное единение этих кремлевских построек. Стоит отметить, что архитекторы называли Екатерининскую церковь лучшей постройкой в неоготическом стиле в Москве. Так что ее присутствие в Кремле не выглядело как инородный элемент в общем художественном ансамбле. При этом русский православный характер этой церкви подчеркивался

Вознесенский монастырь. Рисунок 1764–1765 гг.

традиционными для старинной архитектуры куполом и барабаном, хоть и прорезанными высокими и узкими готическими окнами. Венчал же золотой купол большой православный крест, достигавший по высоте уровня верхнего гульбища Спасской башни. Этот крест был развернут перпендикулярно парадному фасаду церкви и обращен одной стороной на Спасские ворота, а другой – на Соборную площадь.

Во время артобстрела и штурма Московского Кремля в ноябре 1917 года Вознесенский монастырь, впрочем, как и Спасская башня, сильно пострадал. В 1918 году по указанию ВЦИК и СНК РСФСР из Кремля, в том числе и из женского монастыря, были выселены все монахини, прекращены церковные службы. Кельи стали использовать как общежитие для обслуживающего персонала Кремля, здесь же разместили ряд подразделений кооператива «Коммунист», в Екатерининской церкви предполагали сделать гимнастический зал, что, впрочем, не было реализовано.

В 1929 году из монастыря в южный придел Архангельского собора перевезли саркофаги русских великих княгинь и цариц. Тогда же из ризницы и иконостасов вывезли в Оружейную

палату, другие музеи и Гюхран все оставшиеся еще в монастыре культурные ценности, богослужебную утварь, иконы и уникальные книги. Кремлевские архитекторы и музейные работники успели за считанные дни провести натурные обмеры монастырских зданий до их уничтожения. Но археологические раскопки на этой древней территории практически не начинали. Исполняя волю советского государства и коммунистической партии, монастырь частично взорвали, частично разобрали. Небольшое количество археологических артефактов было найдено случайно, при подготовке котлована под новое строительство.

В то время приговор на уничтожение был уготован еще двум уникальным архитектурно-художественным комплексам Московского Кремля. В том же году и в то же время были взорваны и разрушены Малый Николаевский дворец с дворцовой церковью св. Петра и Павла и один из древнейших и наиболее почитаемых православных среди московских мужских монастырей – Чудов монастырь.

Сергей Девятков
Фото из коллекции
ФСО России

Ф. Алексеев. Спасская башня и Вознесенский монастырь. Начало XIX века

Церковь Святой Великомученицы Екатерины. Фотография начала XX века

Кулинарные пристрастия российских императоров

Гастрономические пристрастия российских монархов оказывали влияние не только на повседневное меню, но и, подчас, способствовали «гастрономическим прорывам», формируя кулинарную моду своей эпохи.

Российские императоры, как и все люди, имели свои кулинарные пристрастия. Одни блюда им нравились больше, другие меньше. Иногда кулинарные предпочтения определялись состоянием здоровья или рекомендациями медиков. При этом царские гастрономические предпочтения становились определяющими для императорской кухни, если речь шла о повседневном столе. Если же речь шла о парадном завтраке или обеде, то номенклатура меню диктовалась уже не кулинарными пристрастиями самодержца, а сложившейся традицией или гастрономической модой.

В целом можно утверждать, что российские самодержавцы, начиная с Екатерины II, были довольно умеренны в еде. Зачастую их повседневный стол был довольно прост, хотя это, конечно, не исключало гастрономических изысков во время публичных завтраков, обедов и ужинов.

Говоря об этих изысках, приведем меню «малого» обеда Екатерины II. При этом следует иметь в виду, что императрица сама ела довольно мало, но несколько не стесняла своих гостей, сидевших с ней за одним столом. Итак, рядовое меню времен Екатерины II включало в себя: суп, рыбу, отварную курицу и цветную капусту, жареную баранью ногу или мясо с картофелем. Подавались также: небольшое блюдо с (передней) четвертью жареного барашка; утка, домашняя птица и пара бекасов, все на одном блюде; хороший кусок гамбургской говядины; котлеты и сосиски; блюдо, из мелко рубленой утки, и овощей и тушеные грибы; лангусты; слоеные яблочные пирожки. Несколько блюд на десерт: апельсины, блинчики, персики, вишни, бисквиты и пармезан. Всегда подавался горячий ужин из семи или девяти блюд.

Во время визитов в Россию «коллег» из Европы, Екатерина II планируя совместные трапезы, старалась учитывать гастрономические предпочтения своих высоких гостей. Иногда случались и «гастрономические курьезы». Во время визита в Царское Село австрийского императора Иосифа II, путешествовавшего по России инкогнито под именем графа Фалькенштейна, императрица обязала своего метрдотеля разузнать о кулинарных предпочтениях высокого гостя. Как

это бывает в анекдотах, метрдотель встретил самого императора, которого он в лицо не знал, и начал расспрашивать его о любимых блюдах императора. Император ответил на вопросы: «Вы не могли бы более удачно найти человека, чтобы узнать, что он любит есть: это кусок вареного или жареного мяса и суп, он обожает окорок, но наиболее приятны были бы ваши традиционные русские блюда». Нет нужды говорить о том, как поразился метрдотель, узнав, с кем он говорил на самом деле.

Так же внимательно Екатерина II относилась к «гастрономическим просьбам» своих гостей. Когда баронесса Димсдейл попросила угостить ее неведомой рыбой под названием стерлядь, то это пожелание немедленно выполнили. На следующее утро эту редкость принесли для демонстрации в камчатой салфетке, а затем приготовили на обед. Баронесса Димсдейл рассказала об удовольствии, доставленном ей стерлядью, рыбу стали часто присылать ей на обед, иногда холодной в желе, что очень нравилось баронессе.

Если обратиться к камер-фурьерским журналам времен Екатерины II, то можно в деталях восстановить характер и особенности трапез императрицы. Так, камер-фурьерские журналы свидетельствуют, что в Царском Селе в летние сезоны 1771–1791 гг. в Большом Екатерининском дворце, накрывались Большие и Малые столы. Иногда императрица трапезничала одна.

К «Большому» столу Екатерины II мог быть приглашен любой придворный, а также любое лицо, явившееся ко двору и представленное государыне. Как следует из документов, большинство обедов в Царском Селе проходило за «Большим» столом. При этом следует отметить, что в будние дни рядом с императрицей оказывались только придворные, бывшие с ней в Царском Селе, а в воскресенье, понедельники и праздники за «Большим» столом с ней обедали и другие лица, явившиеся в этот день ко Двору.

За «Малым» столом Екатерина II обычно делила трапезу с узким кругом наиболее близких ей лиц, а большинство придворных в это время обедали в другой комнате без государыни. Иногда трапезы за «Малым» столом накрывались в течение достаточно долгого времени. Как правило, такие периоды приходились на различные посты. В Царском Селе она иногда оказывалась во время Великого поста (первая половина и середина апреля) и во время Успенского поста (конец июля – начало августа).

Бывали единичные дни, когда императрица обедала

в узком кругу во внутренних покоях. Можно предположить, что Екатерина II не выходила к общей трапезе, если неважно себя чувствовала, устала или была чем-либо расстроена. Придворные в это время тоже обедали, но отдельно от нее.

Мемуаристы донесли до нас «гастрономический распорядок дня» императора Александра I. Пишет об этой стороне жизни царя весьма компетентный человек – лейб-медик Д.К. Тарасов, который, вне всякого сомнения, рекомендовал царю те или иные блюда с учетом особенностей организма: «В Царском Селе государь постоянно соблюдал весною и летом следующий порядок: в 7-м часу утра кушал чай, всегда зеленый, с густыми сливками и поджаренными гречками из белого хлеба... в 10 часов возвращался с прогулки и иногда кушал фрукты и ягоды, особенно предпочитал землянику. В 4 часа обедал. После обеда государь прогуливался или в экипаже, или верхом. В 9-м часу вечера кушал чай, после коего занимался работою в своем маленьком кабинете; в 11 часов кушал иногда простоквашу, иногда чернослив, приготовляемый для него без наружной кожицы». С уверенностью можно сказать, что зеленый чай утром и простокваша с черносливом на ночь – это рекомендации медиков, отвечавших за нормальное пищеварение царя, а вот земляника и чернослив без кожицы – уже гастрономические пристрастия самого императора.

Следует отметить, что фрукты на императорском столе в зимний сезон были довольно обычным делом. Эти фрукты и ягоды исправно поставлялись на императорский стол не только из оранжерей в Царском Селе, Гатчине и Ропше, но их везли в Петербург и из московских императорских оранжерей. При этом для членов императорской семьи существовали некие негласные «квоты» на поставляемые фрукты, а когда из императорских оранжерей фрукты направлялись к столу какого-либо сановника, это свидетельствовало о его особой близости к императорской семье.

Из национальных гастрономических пристрастий Александра I мемуаристы упоминают ботвинью: «Государь Александр Павлович очень был расположен к английскому послу. Раз, говоря с ним о русской кухне, он спросил, имеет ли тот понятие о ботвинье, которую сам государь очень любил». В этой цитате интересен сам факт «гастрономических разговоров» российского императора и английского посла на светском рауте, т.е. эта тема считалась вполне «светской». Этот разговор имел довольно комичное продолжение: когда Александр I послал английскому послу столь любимую им ботвинью, то к столу английского посла ее подали разогре-

той – понятно, что это была уже не ботвинья. И когда император поинтересовался «впечатлениями» посла от этого блюда, дипломат был в большом затруднении...

Иногда гастрономические пристрастия самодержцев представляли некоторую опасность для их здоровья. Например, Александр I любил чай с медом. Дело совершенно обыденное, полезное и безобидное. Однако вкусы императора, так или иначе, диктовались его окружению, а чай с медом, как известно, является хорошим потогонным средством. Когда во время балов, кроме всего прочего, подавали чай с медом в серебряных мисочках, декольтированные дамы, танцевавшие в залах и анфиладах Зимнего дворца, где подчас гуляли сквозняки, охотно им лакомились и затем часто простужались. Поэтому придворные медики порекомендовали исключить это угощение из меню.

Александр I после Наполеоновских войн много ездил по Европе, при этом он старался не обременять свой кортеж поварами и обозами с провизией

и обходился той кухней, которая попадалась ему по дороге. Однако позже из соображений санитарии и безопасности от этой практики постепенно отказались, и со второй четверти XIX в. императоры по возможности ели в дороге только «свое», приготовленное «своими» поварами.

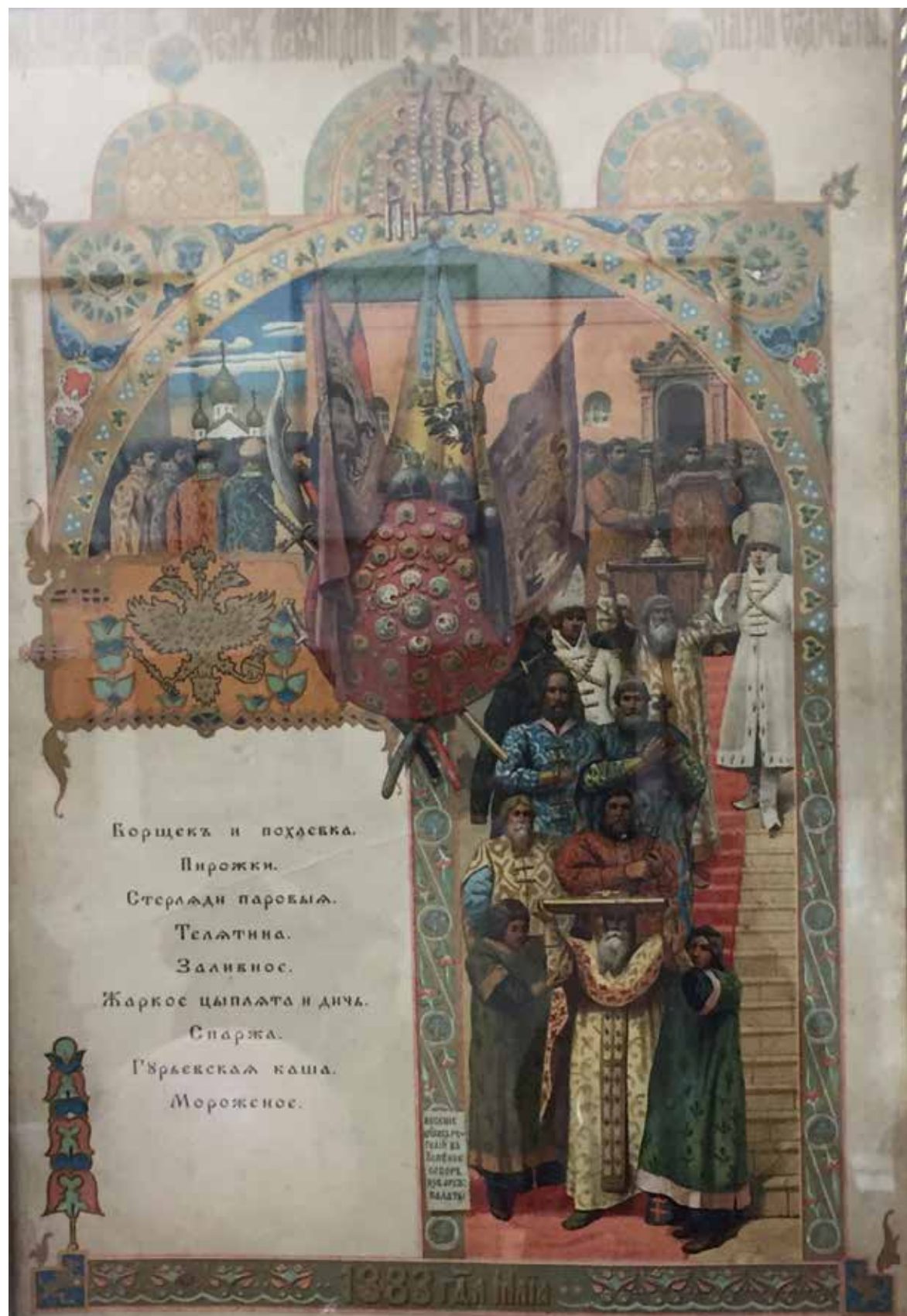
Именно с именем Александра I связывают появление знаменитых пожарских котлет, которые готовили на императорских кухнях вплоть до начала XX в. Согласно легенде, император во время очередной поездки в Москву остановился поесть в Торжке в трактире Пожарского. В меню значились телячьи рубленые котлеты, которые и заказал император, однако у Пожарского не оказалось телятины. Для того чтобы избежать конфуза, он распорядился срочно приготовить котлеты из куриного филе. Котлеты так понравились царю, что он поинтересовался рецептом котлет, назвав их «пожарскими» – по имени трактирщика.

Мемуаристы в один голос подчеркивают кулинарную неприязнательность императора Николая I. Весьма авто-

ритетный биограф Николая I утверждает, что царь «в обед ел умеренно, на ужин часто кусок черного хлеба». Французский художник О. Верне, путешествовавший по России с императором в 1842 г., писал родным: «Император – великий трезвенник; он ест только капустный суп с салом, мясо, немного дичи и рыбы, а также соленые огурчики. Пьет одну воду».

Согласно ведомости 1840 г., Николаю Павловичу ежедневно должны были подавать утром пять соленых огурцов. Он любил гречневую кашу, которую ему подавали в горшочке. Не особенно любил император дорогие рыбные деликатесы и дичь. В последние годы жизни Николай Павлович предпочитал овощные блюда, суп из протертого картофеля и компот – вне всякого сомнения, «немецкий» суп из протертого картофеля предписал царю его лейб-медик консультант М.М. Манд, который первый ввел в медицинскую практику лечебное голодание «на высочайшем уровне».

► с. 8

Меню парадного обеда Александра III. 1883 год

Кулинарные пристрастия российских императоров

► со с. 7

Как следует из архивных документов, обычно Николай Павлович рано утром в кабинете «кушал чай». К нему выдавался «фриштик», то есть завтрак, состоявший из кисло-сладкого хлеба, двух круглых булочек и сухарей, а вот каких-либо прятностей император избегал. Дневное довольствие императора предполагало и угощение докладчиков, которое было довольно скромным и включало: сахар-рафинад, черный и зеленый чай «фамильный», то есть лучших фирм, кофе ливанский, а также сливки, различные булки

царскую кухню доставляли москворецкую воду в специальных цистернах. Одна из мемуаристок упоминала имя метрдотеля Николая I – некоего Миллера, которому царь приказал, «чтобы за обедом у него никогда не было более трех блюд, что и решительно исполнялось».

Как уже отмечалось, в поездках по стране императоры вполне могли перекусить в трактире с хорошей репутацией. И не смотря на постепенный отказ от этой практики по соображениям безопасности, периодически такие эпизоды повторялись

консерватизме царской кухни эти «традиции» долгое время сохранялись уже по инерции. Например, старший офицер императорской яхты «Штандарт» Н.В. Саблин вспоминал, что на яхте офицеры регулярно приглашались к высочайшему столу. По его утверждению, за завтраком, который начинался в 13 часов, в обязательном порядке подавалось так называемое «августейшее блюдо» – английский ростбиф, но его, как правило, не ели. Мемуарист утверждал, что это блюдо как обязательный элемент стола сохранился еще

для завтраков и обедов. Это было связано с тем, что наследника Александра Николаевича поднимали и кормили завтраком в 6 часов утра, а обедал он только в 16 часов. Поэтому медики сочли, что это слишком большой перерыв для «16-летнего желудка имеющего питать юношу высокого роста». Поэтому наследника стали кормить еще в 11 часов вторым завтраком из двух блюд приготовленных «обыкновенным простым способом».

Пожалуй, главной гастрономической особенностью императорской кухни времен Александра II

Высочайший обед. Хромотипография с рисунка В.Ф. Тимма. 1856 год

Торжественный обед 1883 год

Парадный обед в Грановитой палате

и кренделя (сдобные, сахарные, с анисом, с солью) «витушки» и «палочки». На Пасху в императорском кабинете подавали куличи, а на Масленицу утренние блины.

Для трудоголика Николая I повседневные обеды подчас становились продолжением рабочего дня, поскольку на них приглашались двое-трое приближенных. На этих обедах «в узком кругу», без посторонних, продолжали обсуждаться в неформальной обстановке различные рабочие вопросы.

Также со времен Николая I в обиход двора вошли калачи, которые ели горячими в подогретой салфетке, – для их приготовления на

если не для самих императоров, то для их близких. Иногда это могли быть и совершенно случайные трактиры. Французский художник О. Верне, сопровождавший Николая I в поездке по России в 1842 г., вспоминал, как во время этой поездки «вдруг император приказал остановиться, вошел в какой-то кабак и через пять минут пригласил нас к обеду. Представь себе тесную деревянную комнату, стол, четыре стула, два подсвечника, самодержавного монарха, двух генералов и художника за капустным супом и непринужденной беседой».

Поскольку при Николае I вошел в моду так называемый английский стиль, то произошли изменения и в блюдах, подаваемых к столу. При

со времен Николая I. Сестра Николая II упоминала о маленьких булочках с шафраном, которые ежедневно подавались к вечернему чаю. По ее словам, этой традиции неизменно следовали с 1788 г.

Что касается Александра II, то каких-то кулинарных пристрастий или особенностей за ним замечено не было. К его столу подавались блюда преимущественно немецкой и французской кухни, сопровождавшиеся тонкими европейскими винами.

Мальчик с детства ел то, что давали. Надо заметить, что врачи внимательно следили за питанием цесаревича и в 1835 г., по настоянию лейб-медиков, цесаревичу было составлено специальное меню

были трапезы на свежем воздухе, после охоты. Дело в том, что Александр II был страстным охотником, и ни одна его охота не проходила без стола, накрытого прямо в лесу, «на фоне» набитой дичи. На игральных картах «охотничьей колоды» придворного художника М. Зичи запечатлено несколько таких сцен. Несмотря на «походность» обстановки, столы в зимнем лесу покрывали крахмальными скатертями и тщательно сервировали: расставлялись фарфоровые тарелки, хрустальные графинчики с напитками и тарелки с закуской. Одна из карт имеет подпись «Незванные гости»: на карте нарисована забавная сценка, когда официанты, спасая стол, вынуждены отбиваться сковородками от лосей, заглянувших «на огонек». На другой карте изображена собственно трапеза: ели стоя или присев на пенек, держа тарелки на коленях. Александр II любил отведать кусок медвежатины или медвежьей печени, приготовленной на углях.

После окончания охоты, уже в резиденции, накрывался стол, на который шло парное мясо убитой дичи. Как правило, во время обеда играл оркестр придворной охоты.

Специально для Александра II в начале 1860-х гг. во время перестройки половины императора в Зубовском флигеле Большого Царского дворца в подвале была оборудована «приспешная» кухня. Главной особенностью всех перестроек стала первичность комфорта по отношению к интерьерным изыскам. Работы вел архитектор А.Ф. Видов. В 1863 г. часть арсенальной комнаты превратили в буфетную, куда приносили еду. Приемную стали использовать для обедов гостей и членов семьи, а чтобы защитить покой от запахов, проникавших с кухни, под комнатами императора были сконструированы особые кирпичные своды на железных балках, переделаны полы в штандартной, приемной, буфетной и арсенальной комнатах, также для борьбы с кухонными запахами в приемной установили вентилятор в оконный переплет. Техническую реконструкцию подвальной «приспешной» кухни в 1863 г. обеспечивал Ф. Сан-Галли.

Будучи еще цесаревичем Александр II баловал свою молодую жену: по его приказу осенью в столовую на половине цесаревны ставили яблоню в кадке с плодами, чтобы Мария Александровна сама могла сорвать понравившееся яблоко, а весной ставили корзинки с первой земляникой и другими ягодами.

Сергей Девятков

Фото из коллекции ФСО России